

преобладанія, а не рѣшительное или окончательное вступленіе въ нее для препитанія на опредѣленное время. Ибо это препитаніе Греко-Восточной Церкви по отношенію къ снабженію ея крылами орла великаго и къ другимъ даже послѣдующимъ событіямъ, стоитъ въ Апокалипсисѣ, какъ настоящее или продолжающееся къ прошедшему. Значеніе *препитанія* прежде было объяснено. Это есть поддержаніе духа Православно-церковнаго твердою пищею креста, а вмѣстѣ и безпрепятственное употребленіе Церковію обычныхъ своихъ способовъ къ поддержанію своей благодатной жизни. Должно примѣтить, что пророкъ Іезекииль, употреблявшій символъ *орла великаго*, употребляетъ и образъ *пустыни* въ пророчествѣ о слѣдствіяхъ ветхозавѣтнаго Вавилонскаго плѣна, какъ этотъ же образъ пустыни употребленъ и въ Апокалипсисѣ, въ знаменованіе раскрытія также Вавилонскаго плѣна въ новозавѣтныя времена (Іезек. XX, 34—38).

Время, и времена, и полъ-времени, хаирѳъ, хаі хаирѳъ ха ѣишъ хаирѳъ. Изъ того, что здѣсь указывается не только *время* и *времена*, но и *половина времени*, видно употребленіе здѣсь слова *время хаирѳъ* не въ общемъ неопредѣленномъ значеніи, но въ смыслѣ нѣкотораго опредѣленнаго продолженія времени. Въ книгѣ пророка Даніила ¹⁾ употреблено такое же счисленіе времени: *время, времена и полъ-времени*, по прошествіи которыхъ *скончается разсыпаніе ружки людей освященныхъ* (XII, 7). Но это продолженіе времени, ниже въ той же книгѣ, обозначено опредѣленнѣе: *дастся мерзость запустынія на дни тысяща двѣсти девяностъ* (тамъ же, ст. 11). Столько дней составляетъ три года съ половиною и еще нѣсколькими днями! Такое же счисленіе времени употреблено въ той же книгѣ въ пророчествѣ о ветхозавѣтномъ антихристѣ—представителѣ и послѣдняго великаго антихриста: *и дастся въ руку его даже до времени, и времена и полувремени* (VII, 25). Но о преобладаніи надъ Израилемъ ветхозавѣтнаго антихриста Антиоха Епифана исторически извѣстно, что оно, отъ превращенія Іерусалимскаго храма въ языческое капище до смерти этого врага Церкви продолжалось до трехъ лѣтъ съ половиною. Итакъ, продолженіе времени, столь загадочно назначаемое въ Апо-

¹⁾ Смотри книгу мою: „Св Пророкъ Даніилъ“ стр. 133—134.

калипсисѣ для препитанія жены въ пустынь, составляетъ апокалипсическихъ три года съ половиною: *время* есть годъ, *времена* составляютъ первое за единицею множественное годовое число—два года, *полъ - времени*—полгода. Такое точно продолженіе апокалипсическаго времени и того же самаго препитанія Греко-Восточной Церкви указано выше (6 ст.) и нами уже изъяснено въ историческомъ своемъ значеніи ¹⁾, но въ настоящемъ мѣстѣ открывается та особенность въ сравненіи съ предъидущимъ (въ 6 ст.), что образомъ и счисленіемъ времени напоминаетъ Антиохова преобладаніе надъ ветхо-завѣтною Церковію, и тѣмъ внушается, что поддерживая благодатными способами духовную свою жизнь, Церковь Востока однако имѣла быть озлобляема и стѣсняема, подобно какъ то было въ Ветхомъ Завѣтѣ при Антиохѣ Епифанѣ. Главное для насъ—въ точномъ соответствіи апокалипсическихъ трехъ съ половиною лѣтъ съ продолженіемъ времени крестоноснаго общественнаго Христова служенія: видно, это послѣднее берется въ Откровеніи не только за основаніе, но и за мѣру крестныхъ состояній Церкви ветхо-завѣтной и новозавѣтной, а слѣдовательно, и для враждебныхъ надъ нею преобладаній. Отношеніе образа *жены* къ лицу Богоматери, равно какъ и соответственно Ей пустынножительству отношеніе образа *пустыни* также должно у насъ быть въ виду.

И испусти змій за женою изъ устъ своихъ воду, яко рѣчку, да ю (ее) въ рѣцѣхъ потопитъ. Воды, взятія въ явно - исключительномъ значеніи и положеніи (а таково очевидно значеніе и положеніе воды, испускаемой змиемъ изъ устъ) *людіе и народи суть,* какъ изъяснено это понятіе въ самомъ Апокалипсисѣ (XVII, 15). Вода рѣчная, какъ употребляемая для питія, знаменуетъ (см. изслѣд. VIII гл.) все то, что предла-

¹⁾ То самое, что одно и то же опредѣленное время исчисляется и днями (ст. 6) и круною мѣрою годового времени (ст. 14), удостоверяетъ насъ въ томъ, что въ Апокалипсисѣ вѣтъ существеннаго различія между тѣмъ и другимъ время-исчисленіемъ. Но конечно, и не безъ значенія употребляется разное времяисчисленіе одного и того же: можно думать, что препитаніе Церкви пищею *крестною*, *подъ* мусульманскимъ игомъ, есть и повседневное, повторяющееся каждодневно до окончанія всего срока, и общее всему этому періоду времени, состоящее въ сохраненіи и поддержкѣ Церкви вообще въ этомъ тяжкомъ періодѣ.

гается къ утоленію мысленной или духовно-нравственной жажды, какъ то: извѣстное направленіе мыслей и дѣйствій, дѣйствительныя и воображаемыя средства освѣженія и ободренія жизни частной и общественной. То и другое значеніе *воды* удобно здѣсь совмѣщается: ибо *люди и народы* движутся и волнуются обыкновенно тѣмъ или другимъ, особенно занимающимъ ихъ, направленіемъ своего духа, преслѣдованіемъ тѣхъ или другихъ, дѣйствительно или мнимо живительныхъ и освѣжительныхъ потребностей, способовъ и пріятностей жизни.—Съ изъясненіемъ понятія *воды*, понятенъ и смыслъ всего символическаго явленія,—испущенія изъ устъ змія воды въ слѣдъ жены, дабы увлечь или затопить ее рѣкою. Симъ означается наплывъ въ пустыню магометанскаго преобладанія, куда воспарила Греко-Восточная Церковь, наплывъ народовъ, подвигнутыхъ съ Римско-католическаго Запада духомъ папскаго превозношенія и властолюбія, наводненіе стремленій, потребностей, интересовъ западно-католической жизни, и—все это для того, чтобы для Православной Церкви не оставалось мѣста, свободнаго отъ латинскаго наводненія, и чтобы такимъ образомъ она поневолѣ уступила Латинству ¹⁾. Плачевные замыслы и движенія по таящейся злохитрой коренной ихъ причинѣ, по духу оболъщенія большинства призраками, хотя, по сказанному выше, и не безъ возможности лучшаго для искренней и трезвой вѣры въ Господа!

И поможе земля женѣ, и отверже земля уста своя, и пожре рѣку, юже изведе змій отъ устъ своихъ. Здѣсь всѣ символическія черты изъясняются изъ понятія *земли*, означающей (какъ уже было показано) гражданскіе земные порядки, учрежденія, политику царствъ и народовъ. Общій смыслъ всего символическаго изображенія тотъ: показанный выше наплывъ народовъ Запада и всей его жизни—этой рѣки Латинства—на Востокъ будетъ прекращенъ и поглощенъ вообще земными, политическими переворотами. Образъ земли,

¹⁾ Само собою разумѣется, что, насколько въ этихъ народныхъ и духовныхъ движеніяхъ, навѣстныхъ подъ именемъ *крестовыхъ походовъ* было мѣста для чистыхъ христіанскихъ доблестей и дѣлъ, все подобное по духу своему принадлежало уже къ области Жены, принадлежа къ живымъ остаткамъ или задаткамъ Православія. Основаніе къ этому выше выяснено нами изъ самаго Апокалипсиса.

стверзающей уста и пожирающей, взять также изъ Ветхаго Заѣвта. *Земля, юже проидохомъ соглядающе, земля есть поядоущи живущія на ней* (Числ. XIII, 33), такъ говорили Израильскіе соглядатаи Земли Обѣтованной или Палестины, останавливая движеніе своего народа къ завоеванію сей земли. Не безъ особеннаго знаменованія, какъ увидимъ изъ событій, предносился взорамъ Тайновидца именно этотъ образъ

И разгнѣвася змій на жену. Злоба челоуѣкоубійцы змія, который собственно и враждовалъ въ папствѣ противъ Православной Церкви, отъ своихъ неудачъ и безсилія повредить ей, только болѣе свирѣпѣеть. Но видно, что это разсвирѣпѣніе имѣло снѣдать только находящихся въ обладаніи самого папства; ибо здѣсь не указывается никакого вреда, наносимаго зміемъ женѣ или Восточной Церкви папствомъ, тогда какъ выше возвѣщалось (ст. 12) горе отъ ярости сего змія, угрожающее *живущимъ на земли и мори*, — земли политическаго міра и мори общественной жизни, куда низвержень змій.

И иде сотворити брань. *Иде* (ἀπῆλθε, отошелъ) и слѣдовательно *оставилъ* жену въ ея пустынѣ. Посему здѣсь уже само собою разумѣется мысль объ окончательномъ уже вселеніи жены въ пустынѣ магометанскаго преобладанія, что прежде только предназначалось.

Сотворити брань съ оставшимъ съменемъ ея. По-гречески *μετὰ τῶν λοιπῶν τοῦ σπέρματος αὐτῆς*, собственно: «со остальными отъ сѣмени ея» или «съ остаткомъ сѣмени ея». Кого же именно разумѣть подъ симъ «остаткомъ» или «остальными отъ сѣмени жены»? Изъ предъидущихъ изслѣдованій знаемъ, что православный Россійскій народъ выше именуется *сыномъ мужескимъ*, или просто *мужескимъ*, *ἀρσεν* (ст. 5. 13.), и представляется принадлежащимъ Православной Церкви въ цѣломъ составѣ, а не въ остаткѣ; Греки или вообще Восточные христіане разумѣются также подъ общимъ образомъ жены, или Церкви Греко-Восточной (ибо хотя эта жена созерцается выше по отношенію собственно къ сыну мужеску—православному Славяно-русскому народу, но, какъ мать его, представляетъ въ себѣ вообще всю Восточную Церковь. Остается подъ «остаткомъ» или «остальными отъ сѣмени ея» разумѣть остатокъ Православія и православныхъ въ нѣдрахъ Западнаго христіанства. Это подтверждается и

тѣмъ, что по апокалипсическому изображенію змій послѣ тщетныхъ усилій своей ярости, противъ жены обращенныхъ, отходить уже отъ нея для брани съ остаткомъ Ея сѣмени: иде (греч. ἀπῆλθε, отошелъ) *сотворити брань съ оставшимъ сълнемъ ея* и проч. *Сѣмя жены*, выдерживающее брань со стороны змія, враждебнаго и женѣ, есть, очевидно, то Сѣмя жены, которое обѣтовано было еще первымъ человѣкамъ въ *первоевангеліи* о враждѣ между Сѣменемъ жены и самою женою съ одной стороны и змиемъ съ другой (Быт. III, 15). Это Божественное Сѣмя жены есть собственно Христосъ Богочеловѣкъ. Слѣдовательно и остатокъ отъ сѣмени жены составляютъ собственно сообщники Самого Христа, вселяющагося и дѣйствующаго въ нихъ ¹⁾. Такой остатокъ отъ православной Церкви прозиралъ Тайнозритель и въ самой области папства. Это надо твердо помнить православнымъ, чтобы и въ самой ревности по православію противъ латинства, какъ-нибудь не оскорбить Самого Христа, имѣющаго Свой остатокъ и въ области латинства—Христа пребывающаго въ этомъ остаткѣ.

Иже соблюдаютъ заповѣди Божія и имѣютъ свидѣтельство Иисусъ Христово. Таковы и въ Римскомъ католичествѣ остальные отъ сѣмени Православной Церкви! Къ изъясненію сихъ словъ о нѣкоторыхъ изъ самихъ папистовъ, находимъ руководство у того же святого Апостола Іоанна Богослова. Онъ говоритъ въ своемъ посланіи: *о семъ познавайте Духа Божія и духа лстѣча: всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Иисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога есть. И всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Иисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть и сей есть антихристовъ* (1-ое Іоан. IV, 2—3). Итакъ, насколько Римско-католическіе христіане предаются и дѣятельно служатъ духу лжи, дерзнувшему восхитить простому человѣку Божественное достоинство главенства надъ Церковію и так. обр. посягаютъ на существенное достоинство и значеніе Иисуса Христа во пло-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи они берутся духовно заедино съ Православнымъ народомъ Русскимъ—*сыномъ мужскимъ*. Сущность въ Самомъ Христѣ, въ отношеніи къ Которому всѣ равны,—только бы истинно вѣровали въ Него и держались Его Самого. Откровеніе не даетъ мѣста ни возроженію однихъ, ни завистливому соперничеству другихъ.

ти пришедша: настолько они не суть отъ Бога, и принадлежать къ области антихристіанской, какъ въ Апокалипсисѣ и представлены на сторонѣ или въ области исконнаго врага Христовой Церкви—древняго змія. Напротивъ если кто и въ Западномъ христіанствѣ всею душою во всемъ предается и повинуется собственно любви къ грѣшнымъ плотянымъ людямъ Отца Небеснаго, открытой грѣшникамъ въ воплотившемся Единородномъ Его Сынѣ Іисусѣ Христѣ, и открывающей приѣмлющимъ все сокровища духовныхъ благъ—въ благодати Св. Духа, не занимаясь притязаніями и фальшами папства: то такой исповѣданіемъ и вѣрою, держась собственно Самого Богочеловѣка, или *Іисуса Христа, во плоти пришедша*, и дѣятельно соблюдая заповѣди Божіи, уже *отъ Бога есть*, и, слѣдовательно, принадлежитъ, въ существѣ дѣла, Православной Церкви, какъ оставшійся въ папствѣ отъ Ея святого и спасительнаго Сѣмени, какъ сообщникъ Христовъ и живой членъ благодатнаго Его Тѣла, хотя и окруженный отовсюду латинскими, истлѣвающими какъ бы отъ огня, фальшами и заблужденіями, и потому спасающійся «какъ изъ огня» (1 Кор. III, 15). И въ такомъ остаткѣ, между западными христіанами, отъ сѣмени Православной Церкви Тайнозритель видитъ еще не только истинно благочестивыхъ и Богоугодныхъ по жизни христіанъ: *иже соблюдаютъ заповѣди Божія* (а не рогами змія движутся),—но и духовно-назидательныхъ учителей христіанскихъ: *иже имѣютъ свидѣтельство Іисусъ Христово*, единого Главы Церкви (а не головами змійными правятся). Противъ сего-то остатка истинно-вѣрующихъ въ Западномъ христіанствѣ и устремляется вторгшійся здѣсь въ область самыхъ вѣрованій и устройства церковнаго, древній змій, желая совсѣмъ убитъ и искоренить на Западѣ всякій остатокъ сѣмени Православной Церкви: *иде сотворити брань съ оставшимъ стменемъ ея—иже соблюдаютъ заповѣди Божія и имѣютъ свидѣтельство Іисусъ Христово*.

Но если и вообще въ образѣ жены, то въ особенности по отношенію къ остатку отъ ея сѣмени, должно имѣть въ виду, что Матерь Божія не стыдится нарицаться и быть Матерію во Христѣ всѣхъ, кто истинно принадлежитъ къ Божественному Ея Сѣмени—Христу. Откровеніе въ разсмотрѣнномъ мѣстѣ Апокалипсиса показываетъ, что остатокъ истинно-вѣ-

рующихъ на Западѣ, которые всегда сообщны Христу, состоитъ подъ неотступнымъ освѣщеніемъ и призрѣніемъ Материнскаго покрова и ходатайства Богоматери: ибо въ образѣ жены отражается и Ея свѣтоносный ликъ.

Итакъ, по созерцанію Апостола и Тайнозрителя Іоанна Богослова, Пресвятая Богородица есть столько же мать и спасеніе во Христѣ истинно всего рода христіанскаго, сколько Православная Церковь есть единая истинная, вселенская Христова Церковь. Ибо если обрѣтаются благочестиво живущіе и благочестиво учащіе и въ отпадшемъ отъ Православія Западномъ христіанствѣ, то это есть, не чуждый благодати усыновленія Богородицѣ, остатокъ отъ сѣмени православной Церкви, и, слѣдовательно, они, въ этомъ отношеніи, принадлежать собственно ея области, а не папству, взятому въ своихъ разностяхъ отъ Православной Церкви. Если же и въ области папства Господь находитъ и *знаетъ сущихъ Своихъ, вѣрно соблюдающихъ заповѣди Божіи, и имѣющихъ истинное свидѣтельство Иисуса Христова*; то очевидно, что и здѣсь премудрымъ и всеблагимъ Спасителемъ и Главою Церкви оставлена (снова повторимъ это) возможность и даются способы православно познавать и исполнять спасительную Христову истину, въ особенности пользоваться заступленіемъ и даже, если нужно, чудесами Богоматери, и, такимъ образомъ, приобрѣтать вѣчное спасеніе.—При всемъ томъ, однако же, остатокъ избранныхъ и спасаемыхъ въ Западномъ христіанствѣ оказывается, по созерцанію Тайнозрителя и Апостола, состоящимъ внѣ непосредственнаго попеченія своей матери Православной Церкви, и подверженнымъ крайней страшной опасности отъ усиливающейся свирѣпости исконнаго челоуѣкоубійцы, духъ котораго принятъ и освященъ Западнымъ христіанствомъ. Божія Матерь призираетъ матерински на сихъ Христовыхъ овецъ, но направляя ихъ къ истинному двору Христову, въ который имъ и подобаетъ прійти и собраться изъ чуждыхъ дворовъ. Сколько же и кто въ сихъ чуждыхъ дворахъ преданъ и послушенъ духу лжи или же, напротивъ, вѣренъ остаткамъ Православія и слѣдуетъ духу его, это единъ вѣдаетъ Тотъ, Кто на Страшномъ Судѣ выведетъ на свѣтъ всѣ тайны тьмы и обличитъ совѣты сердечные. Не общества западно-христіанскія мы судимъ, а находимъ

и указуемъ въ Божественномъ Откровеніи, что духъ Западнаго христіанства, насколько разнится и отпалъ отъ Православія, принадлежитъ уже осужденному древнему змію, діаволу.

Покажемъ теперь самыя событія, въ которыхъ исполнилось разсмотрѣнное пророчество послѣднихъ пяти стиховъ XII-й главы и которыя окончательно раскрываютъ и вмѣстѣ оправдываютъ смыслъ сего пророчества. Но напередъ имѣемъ нужду, къ отраженію перетолковъ или недоразумѣній, поставить еще разъ на видъ, что мы далеки отъ того, чтобы подобно старымъ лютеранамъ подъ змѣею разумѣть собственно самого папу и къ области змія относить вообще римско-католическое христіанство. Змій древній одинъ, по Апокалипсису, самъ діаволь; но все, что въ папствѣ есть лживаго, горделиваго, противоблагодатнаго, — безъ сомнѣнія относится къ области не Христа — истины, а отца лжи — діавола; посему духъ папства, какъ несогласное съ Православіемъ начало самообоженной горделивости, и представляется въ Апокалипсисѣ, по своей существенной силѣ и основанію, самимъ древнимъ змѣемъ. Напротивъ все, что въ римскомъ католичествѣ сохранилось истинно-христіанскаго (какъ-то: основные догматы вѣры, таинства, самая іерархія, за исключеніемъ примѣса ко всему этому равнобожескихъ притязаній и лживыхъ нововведеній), все такое есть достояніе Христова и принадлежитъ къ области собственно Православія, какъ въ Апокалипсисѣ и указывается среди Римскаго христіанства благословенный остатокъ сѣмени жены (что мы видѣли въ послѣднемъ стихѣ XII-й гл.). Потому-то въ бореніяхъ западно-христіанской жизни сокрытъ великій духовный трагизмъ: жертвы обмана движутся духомъ обмана и многообразно страждутъ своимъ духомъ, но чрезъ это самое пробуждаются въ нихъ лучшіе благодатные инстинкты, не отрѣшенные большею частію отъ недобрыхъ примѣсовъ того или другого заблужденія, или недоразумѣнія, но все же идущіе наперекоръ господствующему духу лжи. Итакъ папство только насколько есть ложь, насколько есть отступленіе отъ Православія, относится въ Апокалипсисѣ къ области древняго змія, который собственно и есть превинивникъ лжи папства и вражды его противъ Православія; а люди по обману увлекаются имъ и становятся

ого орудіями, будучи ослѣпляемы отъ него призраками истины, когда не хотѣтъ слушаться самой истины. Это самое и открывается въ событіяхъ, оправдавшихъ и осуществившихъ пророчественный смыслъ послѣднихъ стиховъ XII-й гл.

Первымъ слѣдствіемъ совершеннаго расторженія союза съ папскимъ Западомъ было для Греческой церкви то, что Константинопольскій патриархатъ, въ особенности послужившій благодатному, возрожденію Славяно-Русскаго народа, со-вѣмъ вытѣсненъ былъ папскимъ властолюбіемъ изъ Италіи, въ которой принадлежали ему прежде нѣкоторыя митрополіи въ Калабріи. Такъ и исполнилось это слово Откровенія: *егда видѣ змій, яко низложенъ бысть на землю, гоняше жемену, яже роди сына мужеска*. Чего еще не могли бы сдѣлать съ Греко-Восточною Церковію самозванные верховные самодержцы всего христіанскаго міра ¹⁾, восшедшіе въ то время на самую высокую степень мірскаго могущества и властолюбивыхъ притязаній, готовые подвигнуть всѣ силы Запада къ осуществленію своихъ замысловъ? Но ихъ видамъ и силамъ давалось новое направленіе и задача тѣми опустошеніями, которымъ въ то время подверглись Греческая Имперія и Восточная Церковь со стороны магометанскаго міра. Послѣ половины XI-го вѣка, дѣйствительно, появились изъ поклонниковъ Магомета, кромѣ сарацынъ, опустошавшихъ христіанскій Востокъ, новые поработители христіанъ—турки, которымъ слабая Имперія Греческая не могла дать сильнаго отпора. Они съ орлиною быстротою распространяли свои завоеванія: ободряя успѣхомъ въ Персіи къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ и вскорѣ прошедь Вавилонію и большую часть Востока, они устремились и противъ Греціи. Безпечность и вѣроломство или нравственное и гражданское безсиліе греческихъ Императоровъ, беспорядки ихъ двора и войска, иногда только не препятствовали, иногда еще и помогали туркамъ занять Киликію, Исаврію, Памфилію, Ликію, Писидію, Ликаонію, всю Малую Азію и утвер-

¹⁾ Въ изображеніи мрачнаго самовозношенія папскаго мы желали бы по возможности, избѣгать нужды называть папъ по именамъ: потому что кромѣ этой мрачной духовной стороны ихъ личностей, всегда могло быть въ нихъ мѣсто и другой, лучшей стороны, какъ то: глубокой и энергической вѣрѣ и искренней только односторонней и потому несвободной отъ живыхъ излишествъ ревности по Богѣ и Его Церкви.

дить главное мѣстопребываніе въ Никеѣ. Отсюда не разъ они угрожали осадю Константинополю, и между тѣмъ угнетали завоеванныя области тяжкимъ рабствомъ, опустошая окрестности частыми нападеніями, огнемъ и мечемъ ¹⁾. Но и прежніе магометанскіе завоеватели, сарацны, не прекращали своихъ опустошеній. Такъ, Іерусалимъ переходилъ отъ сарацынъ къ туркамъ, и отъ турокъ опять къ сарацынамъ. Вотъ какія два крыла и какого великаго, быстролетнаго и перевозосившагося орла, преобладавшаго тогда на Востокъ, уносили Греко-Восточную Церковь въ пустыню магометанскаго порабоженія, въ которой впоследствии и суждено ей обитать до опредѣленнаго срока! Но сіе-то самое, столь тяжкое испытаніе Восточной Церкви, духу которой и свойственъ тернистый путь Креста, нарочито устроено Премудрымъ Промысломъ, какъ вѣрное средство къ охраненію ея отъ духовнаго растлѣвающаго порабоженія льстивому и въ то время чрезмѣрно усилившемуся змію Папства. Ибо за преобладаніе надъ Православнымъ Востокомъ могущественное Папство должно было вступить въ борьбу съ магометанскимъ міромъ, въ которой оно и имѣло истощить свои силы, и только еще болѣе отдалить духовно отъ себя православныхъ: *и дана быша женѣ два крыла орла велика, да паритъ въ пустыню въ мѣсто свое... отъ лица зміина.*

Какъ скоро на Западѣ были получены подробныя извѣстія объ опустошеніяхъ магометанскихъ на Востокъ, духъ папства подвигнулъ народы Запада къ борьбѣ съ опустошителями. Цѣлые два вѣка (XII-й и XIII-й) Востокъ наводнялся разнонародными пришлецами и учрежденіями, идеями и жизненными интересами латинства, испускаемыми духомъ Папства въ такъ называемыхъ Крестовыхъ походахъ. Въ Антиохіи и Іерусалимѣ были поставлены латинскіе патріархи, изъ которыхъ тому и другому принадлежало на Востокъ по нѣскольку митрополій, подчиненныхъ Римскому престолу. Въ началѣ XIII-го вѣка латинскіе крестоносцы съ неистовствами, свойственными древнему челоуѣкоубійцѣ — змію, овладѣли Константинополемъ, въ которомъ поставили также своего императора и патріарха. Наводненіе Латинства, повидному, готово было совсѣмъ затопить или увлечь Греко-

¹⁾ Истор. Церков. Инок. ч. 2, стр. 161 и 162.

Восточную Церковь, тѣмъ болѣе, что въ ней были нѣкоторые императоры и патріархи, склонные къ измѣнѣ Православію, каковы императоръ Михаилъ Палеологъ и патріархъ Константинопольскій Веккъ. Но политическое враждебное отношеніе магометанства къ христіанамъ, по премудрому распоряженію Промысла, и послужило къ отраженію болѣе того губительной лжи папства отъ Православной Церкви на Востокъ. Мусульмане твердо и дѣятельно противостояли нашествіямъ Западныхъ христіанъ. Посему, хотя нѣсколько разъ выступали изъ папскаго Запада новыя многочисленныя полчища крестоносцевъ для завоеванія или удержанія за собою Святой Земли,—эта Земля точно поядала сихъ пришельцовъ; а это охлаждало въ Западномъ христіанствѣ самую ревность къ подобнымъ крестовымъ предпріятіямъ. Такъ обр. въ послѣдніе годы XIII-го вѣка Римскіе католики потеряли всѣ свои владѣнія на Востокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ теряли здѣсь силу и всѣ нововведенныя учрежденія и интересы латинства. Такъ *поможетъ земля жень... и пожретъ рѣку, юже изведе змій отъ устъ своихъ.*

XIV-й вѣкъ и начало XV вѣка ознаменованы уже только бесплоднымъ и отъ безуспѣшности раздраженнымъ рвеніемъ папства или устремить къ Востоку новые потоки крестоносцевъ, или чрезъ обѣщанія помощи противъ турокъ склонить грековъ къ подчиненію самозванному главѣ Церкви. Такъ въ XIV вѣкѣ Климентъ V-й жертвовалъ для предпріятія крестоваго похода множествомъ денегъ; Іоаннъ XXIII строилъ корабли; Климентъ VI-й, Урбанъ V-й возбуждали народъ и вождей къ крестовому походу. Но частію недостатокъ въ содержаніи войска, частію несогласіе вождей, частію междоусобія охлаждали ревность въ вооруженію, — разстроивали войско и потому разрушали всѣ предпріятія ¹⁾. А борьба въ самомъ папствѣ между папами и антипапами столько ослабила папскую власть, что нѣкоторые папы искали у королей милости, а сами уже не смѣли обѣщать имъ защиты. Тѣмъ болѣе противъ Восточной Церкви, среди успѣховъ на Востокъ магометанскаго оружія, была возможна одна только бессильная вражда. Разсвирѣпѣніе папства отъ сихъ неудачъ въ предпріятіяхъ противъ Восточной Церкви выразилось особенно въ первой половинѣ XV-го вѣка, когда, обѣщаніями помощи противъ

¹⁾ Истор. Ивнок. т. 2, стр. 502.

магометанъ привлекши Восточныхъ на Западъ для устройства мира церковнаго, папа переводилъ составившійся такимъ образомъ соборъ съ одного мѣста на другое (изъ Феррары въ Флоренцію), томилъ Восточныхъ недостаткомъ продовольствія, дѣйствовалъ на нихъ угрозами и подкупомъ;—когда твердаго въ Православіи Марка паписты провозглашали съумашедшимъ и даже бѣсноватымъ;—когда, при всемъ этомъ, наконецъ, самъ папа открыто признался, по случаю несогласія Маркова подписаться къ соборнымъ дѣяніямъ: «такъ мы ничего не сдѣлали». *И разгнѣвася змій на жену*, но вреда отъ сего для жены въ Апокалипсисѣ не указано, какъ и въ дѣйствительности Восточная Церковь собственно отъ этого разсвирѣпнѣнія властолюбія папскаго не потерпѣла ничего.

И иде: съ подлинника «отошелъ» змій. Отъ кого именно и отъ какого мѣста? Изъ предъидущаго видно, что отъ *жены*, и именно отъ приготовленной для нея и ею болѣе и болѣе занимаемой еще прежде—*пустыни*. Такая связь рѣчи ясно показываетъ, хотя это и не обозначено прямо, что теперь жена, отъ которой наконецъ отступилъ змій, не дававшій ей и въ пустынь мѣста,—осталась уже одна въ своей пустынь. Это значитъ, что Греко-Восточная Церковь, наконецъ, предоставленная папствомъ самой себѣ, окончательно подверглась магометанскому опустошительному поработенію, чтó задолго еще прежде предуготовлялось и предназначалось, какъ и въ Апокалипсисѣ выше было оозначено (въ ст. 6 и 14). И въ самомъ дѣлѣ, въ самой половинѣ XV-го вѣка, вскорѣ послѣ указаннаго выше Флорентійскаго собора, палъ и Константинополь предъ Оттоманами, усилившимися съ своими опустошительными нашествіями на Имперію къ концу XIV-го и въ XV вѣкѣ. И затѣмъ всѣ остатки Имперіи Греческой вошли въ составъ Турецкаго владычества, получившаго уже названіе Оттоманскаго государства.

Оставивъ так. обр. Греко-восточную Церковь на жертву магометанскому преобладанію, властолюбіе папы открыло въ области собственнаго преобладанія войну противъ тѣхъ, кои, одушевляясь останками Православія, жили или учили въ покорности заповѣдямъ Божиимъ и главенству Христову, а не притязаніямъ и догматамъ собственно папскаго властолюбія: *отъиде брань сотворити съ оставшимъ съяменемъ ея (жены), иже соблюдаютъ заповѣди Божія и имѣютъ*

свидѣтельство Иисусъ Христово. Въ Римскомъ католичествѣ дѣйствительно извѣстные такіе христіане (и конечно, повторимъ сказанное нами прежде, еще болѣе остается въ неизвѣстности), которые достойны быть отнесены къ чистому остатку сѣмени Православной Церкви, каковъ напр. былъ тогда въ XV-мъ вѣкѣ, упомянутый уже у насъ прежде, Тома Кемпійскій, твореніе котораго «О подражаніи Христу», въ достойномъ уваженіи и употребленіи и у православныхъ. Папство не щадило духовныхъ, приносящихъ такіе добрые плоды, направленийъ отъ анаемъ и гоненій. Но еще болѣе оказалось за Западѣ такихъ христіанъ, въ которыхъ остатки православныхъ понятій и правилъ, противоборныхъ злоупотребленіямъ и заблужденіямъ папства, смѣшивались съ разными, естественными въ отдаленіи отъ Православной Церкви, недоразумѣніями и произвольными примышленіями. Противъ такихъ то папство поднимало войну еще и во время Крестовыхъ походовъ, какъ въ XIII вѣкѣ противъ Вальденсовъ, Альбигойцевъ и другихъ. Таковы же были послѣ, въ XV вѣкѣ Гуситы, названные по имени Гуса, истиннаго мученика отъ ярости папизма, отвергнувшіе главенство папы и несогласившіеся на отчужденіе отъ приобщенія Крови Христовой, съ которыми у папистовъ была открытая война и которые, въ соединеніи съ нѣкоторыми другими, преслѣдуемыми отъ Римскаго Престола, составили общества такъ называемыхъ Моравскихъ братьевъ. Въ XVI же вѣкѣ почти въ каждой Римско-католической странѣ открывалась подобная война папизма противъ возстающихъ на его злоупотребленія и заблужденія христіанъ, въ которыхъ въ семь отношеній нельзя не примѣчать отпрысковъ оставшагося на Западѣ сѣмени Православія, не заглушеннаго папизмомъ. Змій древній усиливался подавлять эти остатки отъ сѣмени жены съ двухъ сторонъ: именно, инквизиціонною жестокостію съ одной стороны, а съ другой (и это наиболѣе было опасно и гибельно)—черезъ вызовъ и усиленіе своими крайностями противоположныхъ крайностей противоцерковнаго самочинія и вѣры главнымъ образомъ въ свой только разумъ. Это послѣднее открывало входъ въ міръ господству новыхъ заблужденій, ведущихъ христіанъ уже къ отступничеству и невѣрію. Развитіе этихъ губительныхъ духовныхъ бѣдствій міра предугадывается съ поразитель-

ною глубиною и обстоятельностью въ дальнѣйшихъ видѣ-
ніяхъ Апокалипсиса.

Но мы еще не касались другой стороны пророчествен-
наго смысла послѣднихъ пяти стиховъ XII-й главы, опре-
дѣляемаго отношеніемъ образа жены и къ лицу Матери
Единого Божественнаго Пастыря всѣхъ языковъ, Матери по
Христу и всего общаго Ему рода христіанскаго—Пресвя-
тая Богородица. Съ этой стороны намъ открываются новыя
событія, также провидѣнныя Іоанномъ и назнаменованныя
въ его Откровеніи. Послѣ окончательнаго низложенія пал-
ства съ высоты Православной Церкви, совершившагося при
Михаилѣ Керулларіѣ, на Западѣ появилось, сначала выра-
жаясь какъ мнѣніе, потомъ бывъ утверждаемо и раскры-
ваемо какъ догматъ (рѣшительно провозглашенный уже въ
наши дни Піемъ IX-мъ), новое ученіе, относящееся къ лицу
Богоматери, направленное, повидимому, къ возвеличенію Ея
достоинства, и безъ того превыше-Серафимскаго. По этому
новому догмату, самая природа Пресвятой Дѣвы, въ самомъ
Ея зачатіи и рожденіи, признается совершенно непричаст-
ною даже и первородному грѣху. Это ученіе было въ живомъ
ходу на Западѣ особенно въ вѣкахъ съ XII-го до XV-го, за-
нимая умы богослововъ и возбуждая общее сочувствіе. Но
по сему ученію для Божіей Матери уже не была бы нужна
искупительная жертва и первосвященническое служеніе
Иисуса Христа; для Нея бы не страдалъ и не умеръ Иисусъ
Христосъ, умерый за животь всего міра; за Нее не было бы
нужды ходатайствовать предъ Отцомъ Тому, Кто *всегда живъ
есть, во еже ходатайствовати* за всѣхъ спасаемыхъ. При-
писывать такую славу Богоматери, значитъ посягать на
истинную Ея славу; ибо Пресвятая Богородица свѣтоносна
славою собственно Христовою, какъ, въ семь же Іоанновомъ
видѣніи (XII гл., 1 ст.), Она явилась облеченною въ солнце,
а солнцемъ Правды еще въ Вѣтхомъ Завѣтѣ назнаменованъ
Самъ Христосъ—существенное сіяніе славы Отчей по Сво-
ему Божеству. Итакъ, оный змій, посягнувшій самъ на рав-
нобожественную славу, по низложеніи своемъ съ неба, *го-
няше и жену, яже роди* Богочеловѣка, Который существенно
Единъ *пасеть вся языки* боговраждебныя жезломъ желѣз-
нымъ,—*гоняше*,—не только дерзнувъ приписать и Ей ка-
кое-то совмѣстничество со Христомъ, Который Единъ есть

для всѣхъ правда, очищеніе и избавленіе,—усиливаясь ослабить или подорвать союзъ съ нами, грѣшными людьми, такой усердной нашей Заступницы, какова Матерь Божія, по снисванью Своего естества подобострастная намъ. Конечно, сознательная хула здѣсь принадлежитъ собственно самому змию — діаволу; а люди увлеклись закрывающимъ хулу призракомъ славы, которую они и мнятъ воздавать Пресвятой Богородицѣ новоизмышленнымъ догматомъ.—

Дѣло это, однакожь, такой важности и стоитъ въ такой внутренней связи съ другими обстоятельствами, providѣнными Іоанномъ, что потребно уяснить его обстоятельнѣе. Конечно, очистительную и оправдательную Христову благодать вѣра могла предусвоить еще и прежде вочеловѣченія, страданія и смерти Искупителя; и, такимъ образомъ, вѣрующіе родители могли предпочитать свой плодъ собственно Христовою благодатию, такъ что, на примѣръ, Іоаннъ Креститель былъ причастенъ Святаго Духа еще отъ утробы матери своей. Тѣмъ свойственнѣе сему быть при зачатіи и рожденіи Той, Которая была избрана и предуготовляема быть Матерію Бога. Въ этомъ отношеніи Дѣва Марія и родилась уже (относительно, а не абсолютно) чистою и святою, какъ предпочищенная Христовою благодатию по вѣрѣ и упованію праведныхъ Ея родителей. Тѣмъ не менѣе слово Божіе учитъ, что первородный грѣхъ, какъ естественно перешедшее отъ согрѣшившаго Адама ко всему его роду начало нѣкотораго раздвоенія между наклонностями нашей болящей природы и духовно ощущаемыми влеченіями любви Божіей, — потребляется только единымъ способомъ во всѣхъ—самыми страданіями и смертію Іисуса Христа со стороны Божественной благодати, и дѣйствительнымъ общеніемъ въ Христовыхъ страданіяхъ со стороны вѣры; а до сего челоуѣкъ необходимо носить въ себѣ начало раздвоенія между духовно-ощущаемыми влеченіями любви Божественной и собственными наклонностями, хотя бы и вѣрно послѣдовалъ первымъ и побѣждалъ ими послѣднія.—Отъ этого внутренняго боренія, имѣющаго свое основаніе во грѣхѣ первородномъ,—до распятія Христова не была совершенно свободна и Божія Матерь, превосходящая и Херувимовъ нравственною чистотою. При самомъ крестѣ Христовомъ это внутреннее бореніе въ Ней особенно и открылось, чтобы быть

здѣсь же упраздненнымъ крестомъ Христовымъ,—какъ замѣтили это Богопросвѣщенный взоръ святыхъ Отцевъ. Вотъ свидѣтельство святого Василия Великаго (въ письмѣ къ епископу Оптиму, VII, 239 стр.): «Поелику во время страданія Господня», говоритъ святой и великій отецъ, изъясняя слова Симеона Богопримца къ Пресвятой Богородицѣ: *и Тебѣ Самой пройдетъ душу оружіе*, «всякая душа подвергалась какъ бы нѣкоторому боренію, по слову Господа, сказавшаго: *все соблазнятся о Мнѣ*; то Симеонъ пророчествуетъ и о самой Маріи: когда будешь предстоять кресту, видѣть совершающееся, слышать произносимое, тогда, послѣ свидѣтельства Гавріилова, послѣ неизреченнаго вѣдѣнія о Божественномъ зачатіи, послѣ великаго показанія чудесъ, и въ Твоей душѣ, говоритъ Симеонъ, произойдетъ нѣкоторое тревоженіе. Ибо Господу надлежало вкусить смерть за всякаго и, ставъ умиловительною жертвою за міръ, всѣхъ оправдать Своею Кровію. Посему и тебя самой, которая свыше научена о Господѣ, коснется нѣкоторое бореніе. И это есть оружіе: *яко да открыются отъ многъ сердецъ помышленія*. Даетъ этимъ разумѣть, что за соблазномъ при крестѣ Христовомъ, и въ ученикахъ, и въ самой Маріи, произойдетъ скоро нѣкое уврачеваніе отъ Господа, утверждающее сердца ихъ въ вѣрѣ въ Него. Посему человѣческое обличено въ немощи, чтобы обнаружилась крѣпость Господа». Чтобы яснѣе и убѣдительнѣе для насъ были сіи слова св. Василия Великаго, но и устраняли и тѣнь уничтожительной для Богоматери мысли, надобно намъ взять во вниманіе, что, при крестѣ Христовомъ, не только распиналась и мечемъ пронзалась въ сердцѣ Пресвятой Богородицы Материнская Ея любовь къ Божественному Сыну, но еще тысящелѣтіями утвержденный ветхозавѣтный образъ возрѣнія на тайну спасенія, окончательно упраздняемый распятіемъ Христовымъ, оставлялъ Ея вѣру безъ всякой опоры въ эти страшныя минуты. Ибо Тотъ, о Комъ сказано: *Сей будетъ велий и... дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида, Отца Его, и воцарится въ дому Иаковли во вѣки, и царствію Его не будетъ конца*, умиралъ предъ Ея очами, какъ казнимый преступникъ на позорномъ крестѣ. Мысль о воскресеніи Его могла притти Ей на помощь и подкрѣпленіе, какъ нѣкогда Аврааму, приносившему только въ

сердцѣ своемъ, Исаака во всесоужженіе. Но распятый Сынъ Ея указываетъ Ей вмѣсто Себя другого сына (Іоан. XIX, 26—27),—чѣмъ внушалось, что видимое соприсутствіе Его на землѣ имѣло прекратиться Его смертію, какъ то обыкновенно бываетъ по смерти простыхъ людей... Какъ же дать Ему Господь Богъ престолъ Давида, отца Его? Гдѣ же исполненіе того, что водарится Онъ именно въ дому Іаковли во вѣки, и Царствію Его не будетъ конца?... Въ семь безпримѣрномъ испытаніи неизбѣжно было въ Богоматери самое напряженное бореніе между естественными въ такихъ обстоятельствахъ движеніями сердца и мысли съ одной стороны, и требованіями и влеченіями Божественной любви съ другой. Но подвигъ этого безпримѣрнаго боренія, обличая и въ Ней нѣкоторое раздвоеніе внутреннихъ влеченій,—какъ проявленіе и слѣдствіе первороднаго грѣха,—вмѣстѣ съ симъ, тѣмъ безпримѣрно-глубже вводилъ Ее въ общеніе спасительныхъ страстей Христовыхъ; а этимъ и упрочивалось за Нею вообще превыше-Серафимское Ея достоинство и слава, и въ особенности сердце Ея устроялось въ сосудъ Матерней любви ко всѣмъ искупленнымъ страданіями Христовыми. Ибо страданія Христовы открываютъ для принимающаго въ нихъ участіе всю полноту Божественной любви и Божественныхъ даровъ, усвая ихъ ему тѣмъ щедрѣе и обильнѣе, чѣмъ внутреннѣе и глубже самое участіе его въ страданіяхъ Христовыхъ; а Божія Матерь несравненно глубже и внутреннѣе всѣхъ входила въ участіе страданій Христовыхъ, какъ Матерь и какъ такая вѣрующая, на душу которой пала тогда вся тяжесть окончательнаго перехода Ветхозавѣтнаго образа возрѣнія вѣры въ вѣру чисто-Новозавѣтную.—Такимъ образомъ, Православіе, не приписывая Божіей Матери того, что принадлежитъ Единому Ея Сыну,—всепълной святости природы по самому зачатію и рожденію,—черезъ это объясняетъ и утверждаетъ какъ превыше-ангельское нравственное Ея достоинство, такъ и въ особенности Матернюю любовь Ея ко всему роду христіанскому. Слѣдовательно и наоборотъ папство, представляя природу Богоматери совершенно непричастною первородному грѣху и чрезъ это устраняя нужду для Нея въ искупительной жертвѣ, подрываетъ и Ея истинное, духовно-нравственное достоинство, и отъ себя отрѣзываетъ матернюю Ея любовь; такъ какъ первое и другое навѣки

упрочилось и совершилось въ Ней общеніемъ вѣры и любви Ея въ искупительныхъ страданіяхъ Христовыхъ. *Гоняше змій Жену.*

Между тѣмъ какъ на Западѣ слава Богоматери омрачалась чрезъ самое, повидимому, возвеличеніе Ея, — въ вознагражденіе сего на Востокѣ, особенно въ пустынножителствѣ святой Горы Аѳонской — на этомъ *своемъ* для Богоматери *мѣстѣ*, являются тѣмъ болѣе живыя и парящія движенія вѣры къ Ней и тѣмъ болѣе возвышенныя проявленія Богоматерней благодати. Ибо подвизающіеся здѣсь чрезъ сосредоточеніе и углубленіе вѣры, по слѣдамъ Богоматери, въ самую любовь Христову, не только внутренно наслаждались сладостію и свѣтомъ этой Божественной любви, не только сокровенно умомъ и сердцемъ восходили въ благодатную мѣру: *мужа совершенна*, но достигали раскрытія въ нихъ Божественной любви въ просвѣтленіи и самаго внѣшняго ихъ челоувѣка, достигали нѣкоторой степени открытаго созерцанія свѣта Христова, подобнаго свѣту преображенія Христова на Фаворѣ. Сверхъ того, та же самая *путьня* Святой горы, жребій Богоматери, много возбуждала и поддерживала на Востокѣ ревность о Православіи противъ *лица зміина*, т.-е. противъ заблужденій папства.

За то и сюда испущена была съ Запада *вода* клеветъ и лжи. Такъ въ XIV вѣкѣ Варлаамъ, Калабрійскій монахъ, скинулъ власяницу и отвергъ латинство, дабы подъ кровомъ Православія дѣйствовать въ пользу латинской церкви; зная, что греческое монашество служить сильнымъ подкрѣпленіемъ Церкви, хотѣлъ ослабить или сокрушить его. Посему онъ сталъ и предъ греческимъ Императоромъ и предъ высшею Іерархіею обвинять Аѳонскихъ монаховъ въ самообольщеніи. Хотя козни и клеветы Варлаама, по возвращеніи его въ латинство и въ Калабрію, продолжалъ послѣдователь его Григорій Акиндинъ; но вся эта *вода*, устремляемая противъ удѣла Богоматери и обуревавшая греческую Церковь, — поглощена была разверзшеюся землею или пропастію проклятія на соборахъ, чему наиболѣе способствовалъ святой Григорій Палама, высокочтимый за это православною Церковію.

«Разсвирѣплѣніе змія» — противъ жены, послѣ крестовыхъ походовъ, выразилось въ отношеніи къ лицу Богоматери

тѣмъ, что именно въ XV вѣкѣ съ особенною настоятельностью паписты приписывали Богоматери это лживое совмѣстничество со Христомъ, будто «Богородица никогда не была причастною первородному грѣху, чрезъ Адама распространившемуся на весь родъ человѣчскій». Но за то, насколько и въ Римскомъ-католичествѣ есть мѣсто (хотя и окруженное отовсюду сатанинскимъ искушеніемъ лжи, принимаемой за истину) спасенію и, дѣйствительно, обрѣтается остатокъ спасаемыхъ, то они, какъ и все Христово или согласное съ Православіемъ, что ни осталось здѣсь, находятся подъ особеннымъ Богоматернимъ попеченіемъ, открывающимся и на Западѣ иногда чрезвычайными знаменіями. Это служить на будущее время залогомъ, что и въ Западномъ христіанствѣ когда нибудь вновь возстановится *скинія Давидова падшая*, какъ выражается пророкъ Амосъ. *Въ той день возставлю скинію Давидову падшую и возгражду падшая ея и раскопанная возставлю, и возгражду ю, якоже дне вѣка: яко да възыщутъ мене оставшіися челоувѣцы, и вси языцы, въ нихже призвася имя мое въ нихъ, глаголетъ Господь, творяй сія вся* (IX, 11—12).

Можно бы этимъ и покончить изслѣдованіе настоящаго (четвертаго) отдѣленія Апокалипсиса. Но требуютъ особыхъ изслѣдовательныхъ объясненій слѣдующіе естественные запросы: какъ съ общимъ изъясненіемъ видѣнія XII гл. о Церкви соединяется особенное примѣненіе этого видѣнія еще къ лицу и благодати Богоматери, проводимое у насъ чрезъ всю XII главу? Какъ согласить толкованіе такого рода съ единствомъ мысли Духа Божія, выражающемся въ этомъ отдѣлѣ откровенія, съ единствомъ смысла въ пророчествѣ? Не допускается-ли чрезъ подобное толкованіе произвольность, хотя бы и остроумная и благочестиво-добрая?

Что жена, какъ мать тѣхъ, *иже соблюдаютъ заповѣди Божія и имѣютъ свидѣтельство Іисусъ Христово* (XII, 7), знаменуетъ Христову Церковь, это ясно изъ самаго такого изображенія ея въ Апокалипсисѣ. Что жена, какъ мать Того, *Иже имать упати вся языки жезломъ желѣзнымъ*, указываетъ и на Матерь Господа нашего, Которому одному существенно принадлежитъ *упати вся языки*, это также очевидно изъ самаго же этого апокалипсическаго изображенія жены. Итакъ, та и другая сторона истолкованія равно опре-

дѣляются самою истиною, ясною до наглядности, а не произвольнымъ, хотя бы и благочестивымъ остроуміемъ. Но какъ обѣ эти стороны толкованія сходятся въ одинъ и тотъ же, безпротиворѣчивый себѣ, смыслъ? Св. Церковь есть *матерь всемъ намъ* не по отвлеченному какому понятію, а по дѣйствительному сообщенію намъ благодатной жизни, состоящей въ соучастіи Христовой жизни, которую Христосъ Господь, въ Своемъ Богочеловѣчествѣ, пріялъ дѣйствіемъ Св. Духа отъ Своей Пречистой Матери. Матерь Божія, Матерь Господа Иисуса Христа, не можетъ не быть въ материнскихъ же отношеніяхъ и расположеніяхъ къ духу и жизни въ насъ Сына Своего, приемлемымъ нами въ Св. Церкви. Ясно, такимъ образомъ, что Пресв. Богородица и Христова Церковь, по самому существу и силѣ Своихъ отношеній къ намъ, имѣютъ нераздѣлимое духовное единеніе между собою: дѣйствія и состоянія Св. Церкви, по дѣлу возрожденія, питанія и возвращенія во Христѣ насъ—чадъ и членовъ ея, неразрывно общны или сходятся духовно во едино съ свойственнымъ Богоматери дѣломъ—материнскою любовію сознать сыновне-родными себѣ, воспитывать и возвращать въ насъ Христовы духъ и жизнь. Поэтому мы, въ изслѣдованіяхъ XII главы Апокалипсиса, не то что приспособляли откровеніе о Церкви къ лицу и благодати Пресв. Богородицы, а раскрывали единый смыслъ этого откровенія, разлагаемый нами на двѣ стороны только по неудобству для нашего слова и самой мысли объять и услѣдить ту и другую стороны прямо въ ихъ общности и единствѣ. Общая мысль Св. Духа, выраженная въ откровеніи XII гл., есть великая мысль о раскрытіи и подвигѣ, въ періодъ отдѣленія отъ православной Церкви всего христіанскаго Запада, духовно-благодатнаго материнства въ отношеніи къ христіанамъ, общаго православной Церкви съ честнѣйшею Херувимовъ и Серафимовъ Матерію Бога нашего.

«Но, по крайней мѣрѣ, скажете, примѣненіе духовнаго пустынножителства къ пустынѣ магометанскихъ опустошеній слишкомъ отзывается произвольностію?»—Мы этого не думаемъ. Питаніе духа церковнаго твердою пищею креста среди мусульманскихъ озлобленій никакъ не расходится съ питаніемъ вѣры твердою пищею крестноснаго пустынножи-

тельства: благодатное существо и сила того и другого питанія однѣ и тѣ-же, и притомъ большинство церковное для своего питанія крестною пищею необходимо нуждается въ поддержкѣ со стороны своихъ духовно зрѣлыхъ собратьевъ, каковы и суть пустынножители. И такимъ образомъ «*преспитаніе жены въ пустынь*», по своему смыслу естественно разлагается на двѣ стороны, предполагающія взаимно одна другую и сходящіяся въ одну мысль:—это есть мысль Откровенія именно объ укрѣпленіи духа общецерковнаго пищею креста среди магометанскихъ опустошеній, совершающемся впрочемъ не иначе, какъ съ поддержкою большинства слабѣйшихъ чадъ Церкви твердыми духовными мужами, каковы и суть пустынножительные отцы—избранники самой Богоматери, раздѣляющей съ Церковію материнскія попеченія о православныхъ. Вообще сказать: невольное положеніе въ пустынь магометанскаго порабощенія могло и имѣло быть духовно-питательнымъ и плодотворнымъ для Церкви не иначе, какъ раскрывая или воспріемля духъ свободаго христіанскаго пустынножительства; а исторія объяснила и оправдала это предреченіе въ опредѣленной дѣйствительности.

Какъ болѣе видимая сторона, въ благодатно-церковной дѣйствительности, сходится духовно во едино съ болѣе сокровенною духовною стороною, новый поразительный же примѣръ этого указать нами въ изслѣдованіяхъ той же XII главы. По устройству Церкви, борются за ея православіе, отстаиваютъ ее противъ преобладаній лжи плотносные Ангелы Церкви—іерархія; но въ борьбѣ съ духомъ папства, дѣйствующимъ противъ православной Церкви, разумѣется, въ іерархическихъ поборникахъ папизма подъ сокровеннымъ заправленіемъ самого духа лжи и его темныхъ ангеловъ, высшими сокровенными дѣятелями были *Михаилъ и Ангели его* (XII гл., 7 ст.).

Мало того; по сокровенному заправляющему дѣйствию высшихъ силъ духа въ нашей земной дѣйствительности, по раскрытію и осуществленію въ послѣдней высшихъ міроправительныхъ плановъ и тайнъ, духовная проникаемость можетъ примѣчать въ самыхъ общественныхъ нравахъ и воззрѣніяхъ *среднихъ вѣковъ* глубоко-выразительное и вмѣстѣ наглядное отраженіе того самаго, что въ своей сущно-

сти и основаніи обозначено откровеніемъ XII гл. Кто не знаетъ средневѣковаго, чрезвычайно высокаго, простирающагося до какого-то благоговѣнія, уваженія и именно западныхъ христіанъ къ женщинѣ? Особенно рыцарство, освящаемое тогда даже нѣкоторыми религіозными обѣтами и обрядами, выражало это уваженіе къ женщинѣ въ подвигахъ самопожертвованія и самоотверженнаго геройства. Чѣмъ это объяснить? Страстная чувственность, очевидно, не можетъ быть основаніемъ чего-либо благоговѣйнаго и притомъ самоотверженнаго; кромѣ того, такое основаніе имѣло бы равную силу для обоихъ половъ. Основаніе, принадлежащаго именно извѣстному періоду времени, благоговѣйнаго уваженія собственно къ женщинѣ—лежитъ глубже естественныхъ во всѣ времена страстныхъ увлеченій, общихъ мужчинѣ и женщинѣ. Откровеніе проливаетъ свой свѣтъ на это загадочное историческое явленіе среднихъ вѣковъ. Св. Писаніе, на первыхъ своихъ страницахъ, указываетъ и въ падшей Евѣ—первообразѣ женщинѣ въ состояніи самаго паденія—образъ Матери Божественнаго Сѣмени, побѣдоноснаго надъ человѣкоубійственнымъ зміемъ (Быт. III, 15; сл. 16 и 13): такое отображеніе тѣмъ болѣе неотъемлемо у женщины-христіанки, первообразъ которой и есть уже Сама Матерь во-человѣчившагося отъ Нея Господа. И вотъ когда, въ ряду христіанскихъ временъ, имѣло повториться и надъ возвращеннымъ въ благодатный рай человѣчествомъ искушеніе древняго змія, отвлекающаго его отъ единственнаго главенства надъ нимъ Самого Христа, а слѣдовательно и отъ рая небснаго во Христѣ жительство;—когда этотъ искони человѣкоубійственный змій *гоняше* православную Мать спасаемыхъ, предстательствуемую Самую Матерію спасающаго людей Божественнаго Сѣмени, употребляя въ орудіе своего прельщенія и губительства обманутыхъ имъ христіанъ и особенно ихъ вождей духовныхъ, движа ихъ къ тому чрезъ самыя ихъ вѣрованія, чрезъ горячія религіозныя ихъ стремленія послужить Христову кресту чрезъ завоеванія для палства всего православнаго Востока;—когда благопотребнымъ во спасеніе убѣжищемъ отъ этого злострашнаго прельщенія и губительства древняго змія должна была послужить для Православія даже самая пустыня магометанскаго пораженія: въ такую ужасную духовную годину милосер-

дая Матерь Божія, сама собою отстаивающая православную Церковь и спасеніе гибнущихъ людей, подвиглась, видно, своею Христоносною любовію къ обманываемому или преслѣдуемому зміемъ роду христіанскому до того, чтобы, въ его спасеніе, воздѣйствовать чуднымъ поистинѣ образомъ въ самомъ естественномъ порядкѣ вещей, именно—благодатно оживляя свое отображеніе въ женщинѣ, особенно христіанкѣ, для возбужденія чрезъ это въ обманутыхъ христіанахъ живыхъ и живительныхъ движеній духовныхъ, хотя бы только инстинктивныхъ и безотчетныхъ. И христіане, изъ самой среды сатанинскаго искушенія, съ благоговѣніемъ ощутили это материнское снисхожденіе и призрачнѣе къ ихъ положенію славнѣйшей безъ сравненія Серафимовъ и Херувимовъ Матери Бога нашего, и инстинктивно выразили это въ благоговѣйномъ уваженіи къ Ея отображенію—къ женщинѣ-христіанкѣ (хотя, конечно, и не безъ примѣси своихъ грѣховныхъ излишествъ по духовно-зміинымъ кознямъ). И дѣйствіемъ этой силы Господней, въ немощи совершающейся, можетъ быть, наиболѣе всего поддерживался и оживлялся остатокъ *Стѣмени Жены* на самомъ папскомъ Западѣ, такъ что змію древнему не удавалось слишкомъ растлѣвать обольщаемыхъ имъ и забивать въ нихъ живые остатки Православія. Открытымъ знаменіемъ этого служатъ такія свѣтлыя и явно-чрезвычайныя явленія, какъ въ XV вѣкѣ «Орлеанская Дѣва» (Іоанна Д'Аркъ), носившая щитъ съ ликомъ Пресв. Дѣвы Богородицы,—эта поселянка, успѣвшая въ своемъ государѣ, войскѣ и всемъ народѣ воскресить изнемогшій и павшій отъ непріятельскаго превозможенія духъ и побѣжденныхъ обратить въ побѣдителей, запечатлѣвшая, наконецъ, свое дѣло мученическою смертію именно отъ безчеловѣчнаго духовнаго суда папистовъ¹⁾.

¹⁾ Правда и то, что, на сколько бы средневѣковая и вообще западно-католическая женщина не сообразовалась свѣтлому апокалипсическому образу *Жены*, представленному въ XII-ой гл., на столько уступала бы и сообразовалась другому, темному и отвратительному, женскому образу—*Иезавели*, о которой рѣчь слѣдуетъ сейчасъ далѣе. И надо особенно поставить на видъ, что римско-католическая христіанка, которая, при развитіи лжи папизма, могла служить возбужденію и поддержкѣ духовно-живыхъ инстинктивныхъ движеній на христіанскомъ Западѣ, при возвратѣ его движеніи къ истинѣ можетъ чрезъ неосмысленную и безотчетную инстинктивность подобныхъ движеній возбуждать и поддерживать

Довольно объ откровеніи XII гл., ознаменовавшемъ гонимую папствомъ Христову Церковь и осѣнявшую ее Богоматерію благодать подь образомъ *Жены!*

Въ заключеніе изслѣдованій четвертаго отдѣленія Апокалипсиса прочитаемъ, съ самыми развѣ краткими замѣчаніями, частное откровеніе о четвертой изъ Малоазійскихъ церквей—Ѳиатирской (II, 18 — 29). «Такъ говоритъ Сынъ Божій, у Котораго очи—пламень огненный, и ноги подобны халколивану». (Какія зміны козни, какія прикровенныя фальши и увлеченія злострымъ обманомъ укроются отъ такихъ очей, и какая противоблагодатная гордыня не низложится и не сокрушится подъ такими ногами Самого Единосущнаго Сына Божія?): «Знаю твои дѣла, и любовь, и служеніе, и вѣру, и терпѣніе твое, и то, что послѣднія *дѣла твои* больше первыхъ» (замѣтимъ это практическое направленіе). «Но имѣю немного противъ тебя: потому что ты попускаешь женѣ Іезавели, называющей себя пророчицею, учить и вводить въ заблужденіе рабовъ Моихъ, любодѣйствовать и ѣсть идоложертвенное». (Мы видѣли образъ жены свѣтоносной, сообразной съ Матерію Сына Божія, матери «сохраняющихъ заповѣди Божіи и имѣющихъ свидѣтельство Іисуса Христа», словомъ — Церкви православной, гонимой древнимъ зміемъ: здѣсь указывается совсѣмъ противоположнаго рода жена, подручная уже, очевидно, змію обольстителю, извратительница пророчественнаго достоинства, самозванно только восхищаемого ею, учащая христіанскія души измѣнять Единому только ихъ жениху и главѣ — Самому Господу, и идолослужить предъ челоуѣкомъ грѣшнымъ, какъ предъ непогрѣшимымъ Господомъ. Да освободить Христось, Сынъ Божій, всякую именуемую по Его имени церковь отъ примѣненія къ ней и даже отъ прираженія духа и очертанія этой новой Іезавели, не смѣшиваемаго, впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ ни съ чѣмъ, въ той же самой церкви, благодатно живымъ, принадлежащимъ уже

пристрастіе къ многоуѣковому заблужденію, безотчетно смѣшиваемому съ истинною и слѣд. сообщаться и содѣйствовать уже духу и дѣлу апокалипсической Іезавели. О если бы такая плачевная опасность и бѣда выяснились для созаванія женщины въ римско-католическихъ странахъ, начиная съ нашей Польши!..

истинной вѣрѣ и вѣрности Христу!). «Я далъ ей,—продолжаетъ Сынъ Божій о женѣ-Иезавели, время покаяться въ любодѣяніи ея, но она не покаялась. Вотъ Я низвергаю ее на одръ, и любодѣйствующихъ съ нею въ великую скорбь, если не покаются въ дѣлахъ своихъ». (Какое глубокое разстройство во всѣхъ членахъ своихъ, отъ самозванной своей головы до ногъ, уничижаемыхъ клерикалами мірянъ, испытывала и испытываетъ церковь неправославнаго Запада, иѣкогда подобно Ѡиатирской процвѣтавшая и плодоносная особенно практическимъ христіанскимъ направлениемъ, а потомъ попустившая подобной той же церкви воздѣйствовать въ себѣ Иезавелину духу! Сколько горя пало на политическій міръ и общественную жизнь Запада, любодѣйно измѣнившаго съ своею церковію единственному Главѣ всего небснаго и земного! Мы говоримъ о Римско-католической церкви только въ томъ отношеніи, насколько она неправославна или допустила у себя Иезавелиной злостной лжи.). «И дѣтей Я поражаю смертію, и уразумѣють всѣ церкви, что Я есмь испытующій сердца и внутренности; и воздамъ каждому изъ васъ по дѣламъ вашимъ». (Такую страшную угрозу усиливаетъ судьба постигнутой первоначально этою угрозою Ѡиатиры, уже совсѣмъ изглаженной съ лица земли, такъ что и самыя слѣды ея совершенно было затерялись, и только въ послѣднее время отыскиваются по камнямъ съ надписаніемъ ея имени. Но одному Сердцевѣдцу вѣдомо, сколько кто и на неправославномъ Западѣ уступаетъ или противится Иезавелиному духу. Намъ предложить не судить и осуждать другихъ, а трепетать за самихъ себя, чтобы не допустить какъ-либо направленія, не держащагося во всемъ Самого Господа и не возглавляющаго въ Немъ единомъ всего нашего. Испытующій сердца и утробы нелицепріятенъ для кого бы то ни было!).

«Вамъ же и прочимъ (греч. *ὑμῖν τοῖς λοιποῖς* вамъ остальнымъ), находящимся въ Ѡиатирѣ,—(такъ продолжается слово откровенія собственно къ остатку сохранившихъ свою вѣрность Господу отъ допущеннаго въ этой церкви Иезавелина обольщенія; подобно какъ такой же остатокъ чистаго сѣмени жены указанъ въ XII гл. въ средѣ обольщенія, идущаго отъ духа лжи папистической), которые не держатъ сего ученія и которые не знаютъ такъ называемыхъ глубинъ

сатанинскихъ (итакъ, сатана — змій древній и здѣсь прямо обозначенъ, какъ основное начало оболъщенія), сказываю, что не наложу на васъ иного бремени. Только то, что имѣете, держите, пока прииду». (Примѣтимъ здѣсь, какъ ограждаетъ Самъ Сынъ Божій духовное достоинство неизмѣняющихъ Ему среди превозмогающаго заблужденія. Будемъ остерегаться унижать или излишнею требовательностію отягощать ихъ; они и безъ того несутъ бремя, которое, можетъ быть, не по силамъ было бы намъ: это бремя—держаться Господа, какъ единаго верховнаго правящаго Начала, или Главы для всего, въ средѣ увлеченія большинства другимъ, совмѣстничествующимъ съ Господомъ, началомъ. Другого бремени не налагаетъ на нихъ Единородный Сынъ Божій).—«Кто побѣждаетъ и соблюдаетъ дѣла Мои до конца, тому дамъ власть надъ языками. И будетъ пасти ихъ жезломъ желѣзнымъ; какъ сосуды глиняные, они сокрушатся, какъ и Я получилъ власть отъ Отца Моего. И дамъ ему звѣзду утреннюю». (Здѣсь буквально повторяется и вмѣстѣ изъясняется благодатное назначеніе *пасти языки жезломъ желѣзнымъ*, которое въ XII гл. усвоено извѣстному *сыну мужескому*. Твердо же поставимъ себѣ на видъ, что это великое назначеніе неотъемлемо только у тѣхъ, кто *до конца* побѣждаетъ искушенія, отводящія отъ Христа, *до конца* соблюдаетъ дѣла Христовы. Если и получившіе уже такое назначеніе не выдержать своей живой вѣрности Христу *до конца*, а будутъ входить въ духъ язычества или отверженнаго строже чѣмъ язычество іудейства; то они черезъ это будутъ переходить уже на сторону языковъ, которые сокрушатся Христомъ, какъ глиняные сосуды. Равно, если и языки, или воспроизводящіе и въ христіанскомъ мірѣ духъ язычества, признаютъ и отвергнуть свое заблужденіе, а узнаютъ и глубоко примутъ истину православія, то они будутъ наследниками тѣхъ благословенныхъ языковъ, которые черезъ свою вѣру во Христа заступили мѣсто невѣрующаго Израиля. Во всякомъ случаѣ остатокъ вѣрныхъ Христу, и въ средѣ господствующаго оболъщенія, причастенъ благодатнаго назначенія сокрушать язычество Христовраждебное;—какъ очевидно изъ откровенія о Фіатирской церкви; это—для такой среды начатокъ лучшихъ, благодатныхъ временъ, утро Христово).—

Пятое отдѣленіе (гл. 13—14).

Въ предъидущихъ двухъ отдѣленіяхъ Апокалипсиса Церковь Христова и Богоборный міръ являлись на одномъ и томъ же зрѣлищѣ, какъ взаимно борющіяся области. Ибо откровеніе относилось къ такимъ временамъ, когда вражда и ложь князя міра вторгались преимущественно въ самую область Церкви и здѣсь усиливались утвердиться: таково было время борьбы Церкви главнымъ образомъ противъ ересей,—таково же время борьбы Православія противъ папства.

Въ слѣдующемъ отдѣленіи обѣ борющіяся области представляются на двухъ различныхъ зрѣлищахъ, какъ въ первомъ и второмъ отдѣленіи; только теперь напередъ является темная область мірскаго зла и вражды, и уже затѣмъ созерцается Царство Божіе, низлагающее враждебную ему область,—но совсѣмъ наоборотъ сему было въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ Апокалипсиса. Ибо когда открываемы были судьбы Христовой Церкви въ отношеніи къ преобладавшимъ надъ нею іудейству и язычеству: то оказывалось потребнымъ напередъ выставить на видъ свѣтоносную область Церкви, чтобы мракъ озлобленій отъ іудеевъ и язычниковъ, облежавшій Церковь, не затруднялъ и не смущалъ вѣры. Теперь же, видно, открываются такія судьбы Церкви, въ которыхъ наиболѣе потребно предостеречь вѣру отъ лъстивыхъ враговъ; посему эти послѣдніе и выставляются на видъ прежде противоборства имъ Церкви и благодати. Горечь книги судебъ господствующаго въ мірѣ, видимо христіанства, столь сладостной сначала, теперь болѣе и болѣе усиливается для Тайнозрителя, какъ заранѣе предупреждалъ его Ангель (X, 9—10).

Такъ, предъ Тайнозрителемъ появляются одинъ за другимъ два звѣря. Одинъ отличается въ особенности горделивымъ и богохульнымъ словомъ, изощреннымъ противъ всего небеснаго и Божественнаго; а другой совершаетъ для обольщенія людей великія чудеса во имя перваго звѣря, склоняетъ людей сдѣлать образъ перваго звѣря и успѣваетъ сообщить жизнь этому звѣриному образу. Эти звѣрообразные враги распространяютъ обольщеніе на всю землю, и въ борьбѣ со святыми получаютъ явный надъ ними перевѣсъ (XIII гл.). Несмотря на это, съ другой стороны, обрѣ-

таются и соблюдаются, хотя въ ограниченномъ уже числѣ, пребывающіе на Сіонѣ съ Агнцемъ и имѣющіе на челахъ своихъ имя Отца Его; вѣчное Евангеліе благовѣстуется всѣмъ живущимъ на землѣ; провозглашается паденіе прелюбодѣйнаго Вавилона; оболыщеннымъ оными зрагами напоминаетъ о грозящемъ имъ вѣчномъ мученіи въ огнѣ и сѣрѣ: земля, какъ готовая къ жатвѣ нива, пожинается; наконецъ, созрѣвшіе во злѣ, какъ зрѣлый виноградъ, брошены въ точило великой ярости Божіей и кровь течетъ изъ точила на большое пространство, поднимаясь отъ земли даже до уздъ конскихъ (XIV. гл.). Разсмотримъ то и другое зрѣлище въ отдѣльности.—Смотря на зрѣлище враждебныхъ Богу и Церкви звѣрей (XIII г.) сначала составимъ опредѣленное понятіе о такихъ звѣрообразныхъ врагахъ; а потомъ будемъ изъяснять частныя черты вида и дѣйствій этихъ враговъ; наконецъ укажемъ на самое исполненіе пророчественнаго видѣнія, вполнѣ раскрывающее и оправдывающее его смыслъ.

Что звѣрей, изображенныхъ въ XIII гл. Апокалипсиса, надобно понимать въ символическомъ смыслѣ, это очевидно само по себѣ изъ неестественнаго вида и образа дѣйствій сихъ звѣрей: *звѣрь (первый), бѣ подобенъ рыси, и нога емоу яко медвѣдю, и уста его яко уста львова... И отверзе уста своя въ хуленіе къ Богу; хулити имя Его, и селеніе Его, и святыхъ Его (2—6 ст.) И видѣхъ инаго звѣря... и имѣяше рога два, подобна агнчимъ: и глаголаше яко змій... и пр. (ст. 11)* Что въ изъясненіи Апокалипсическихъ видѣній о послѣдовательномъ рядѣ судебъ Церкви и міра, нельзя разумѣть подъ сими звѣрями какихъ-либо двухъ челоувѣковъ (недѣлимыхъ), это видно, во-первыхъ, изъ того, что гибель звѣрообразныхъ враговъ слѣдуетъ спустя столь продолжительный, послѣ появленія ихъ, рядъ открываемыхъ судебъ Церкви и міра, который, судя по предыдущей части Апокалипсиса, долженъ выйти весьма далеко изъ предѣловъ одной человѣческой жизни: ибо появленіе ихъ указано въ сей XIII главѣ, а гибель уже въ самомъ концѣ XIX гл. (ст. 20). Во-вторыхъ, власть дѣйствовать преобладательно первому звѣрю предоставляется на сорокъ два мѣсяца (XIII, 5), или *три года съ половиною*; а такой срокъ Апокалипсическаго времени, какъ уже извѣстно изъ неоднократнаго сличенія откровеній съ Исторіею, составляетъ око-

до трехъ столѣтій съ половиною. Время, въ продолженіи котораго должны прожить одно за другимъ по крайней мѣрѣ четыре или пять поколѣній, но никакъ не можетъ прожить одинъ человѣкъ! Въ - третьихъ, въ XIX главѣ, представляющей гибель сихъ символическихъ звѣрей, отъ нихъ прямо отличаются люди, взятые въ своихъ личностяхъ: *и видѣхъ звѣря и цари земныя и вои ихъ собраны... и ятъ бысть звѣрь и съ нимъ лживый пророкъ, сотворивый знаменія предъ нимъ... а прочіи убіени быша мечемъ* (19—21). Въ семь мѣстѣ звѣрь и съ нимъ лживый пророкъ, который въ XIII гл. представленъ также звѣремъ (11—14), очевидно отличены отъ человѣческихъ личностей, какими являются *цари земныя и вои ихъ*. Итакъ кого-же именно знаменуютъ сіи два звѣря?

О первомъ звѣрѣ сказано (во 2 ст.), что *даде ему змій силу свою, и престолъ свой*. А о змій мы уже знаемъ изъ предыдущей главы, что подъ этимъ названіемъ разумѣется не просто сатана самъ только по себѣ, а сатанинскій духъ преобладанія и гордыни, вторгшійся въ Западное христіанство и здѣсь раскрывшійся въ притязаніяхъ и заблужденіяхъ *папства*. Отсюда слѣдуетъ что звѣрь, которому змій далъ силу свою и престолъ свой знаменуетъ вновь возникшій собственно въ Западномъ христіанствѣ духъ времени, которому папство и должно было, видно, уступить безраздѣльную дотолѣ силу и преобладаніе въ Западномъ христіанскомъ мірѣ. Впрочемъ въ самомъ изображеніи этого же новаго духа времени сказано (въ 3 ст.), что *поклонишася и змію, иже даде область звѣрю*. Отсюда видно, что новый, господствующій въ Западномъ христіанскомъ мірѣ, духъ времени не вытѣснить и духа папства, а раздѣлить съ нимъ преобладаніе на Западѣ, раскрываясь въ сущности изъ того же сатанинскаго духа. Далѣе, и новый духъ времени представляется получающимъ поклоненіе и славу, подобающія Божеству (ст. 4): *И поклонишася звѣрю, глаголюще: кто подобенъ звѣрю?—*Отсюда открывается, что новый духъ времени будетъ имѣть въ своемъ характерѣ боготворимую гордыню, превознощеніе безмѣрное. Сверхъ того, о главныхъ враждебныхъ проявленіяхъ и дѣйствіяхъ новаго духа времени сказано (ст. 5 и 6) что *данъ быша ему уста глаголюща велика и хульна... и отверже уста своя въ хуленіе къ*

Богу, хулити имя Его и селеніе Его, и живущія на небеси. Но Боговраждебное слово, въ устахъ врага Бога и Церкви, не представляетъ ничего такого, что указывало бы на индифферентное значеніе этого понятія; только усвоеніе этого слова *звѣрю* есть образное: т.-е. не звѣрь собственно, а звѣрообразный духъ времени имѣлъ выражаться Богохульнымъ словомъ. Итакъ новый горделивый духъ времени имѣлъ дѣйствовать высокоумнымъ, изощреннымъ противъ Бога и Церкви, словомъ; дышущее надменнымъ невѣріемъ и стремленіемъ подорвать или унижить вѣру, слово имѣло быть и проявленіемъ и оружіемъ новаго, господствующаго на Западѣ, духа времени. Въ словѣ же выражаются собственно мысли и понятія *разума*,—выражаются словомъ, конечно, и чувствованія и желанія, но уже опредѣляемья мыслию *разума*. Слѣдовательно, хульные уста и слова свойственны вооружающемуся противъ вѣры разуму. Совекупимъ всѣ означенныя черты перваго звѣря, и получимъ такое общее о немъ понятіе: это есть,—возникшее въ области папства, по его же горделивому духу, и раздѣлившее съ нимъ власть надъ Западнымъ христіанствомъ,—обоготвореніе человѣческаго разума, который и вооружится противъ Бога, Церкви и вообще противъ Вѣры словомъ невѣрія и хулы. Исторія положительно свидѣтельствуетъ, что въ западно-христіанскомъ мірѣ, послѣ гигантскаго могущества папства, было имъ же вызвано и, не вытѣсняя вовсе его, стало преобладать именно самовластительство разума, который и восталъ сначала, въ области Лютеранства и другихъ преобразованій христіанства, (разумѣемъ худшую ихъ сторону) противъ благодатнаго Церковнаго устройства, а потомъ, въ области противохристіанскаго философствованія и раціонализма, вообще противъ Божественной истины и вѣры—восталъ своимъ горделивымъ мудрованіемъ и хульнымъ словомъ. Этимъ окончательно и уясняется и оправдывается общее наше понятіе о первомъ звѣрѣ.

Что касается до другаго звѣря, къ опредѣленію значенія его служить изъясненное понятіе о первомъ звѣрѣ. Ибо второй звѣрь, въ своей дѣятельности, не имѣетъ независимой отъ перваго звѣря самостоятельности и своего отдѣльнаго направленія; напротивъ, онъ дѣйствуетъ силою и во имя перваго звѣря, т.-е. на основаніи и къ прославленію само-

обоотвореннаго разума, и притомъ въ своей дѣятельности раскрываетъ всю силу, всѣ начала этого разума: *и власть перваго звѣря всю творяше предъ нимъ: и творяше землю и вся живущая на ней поклонитися первому звѣрю* (ст. 12). Итакъ, второй звѣрь есть собственно органъ и проявитель или провозвѣстникъ перваго, какъ онъ, по такому отношенію къ первому звѣрю, и называется далѣе (XVI, 13; XIX, 20) *лживымъ пророкомъ*. Органъ и провозвѣстникъ самообоотвореннаго разума, въ христіанскомъ мірѣ, какъ понятно уже и само по себѣ и извѣстно изъ Исторіи, есть именно Западно-европейская неправомысленная литература¹⁾, къ которой относятся всѣ роды и ученаго слова, растлѣннаго по своему духу и противохристіанскаго,—слѣдовательно, и вся неправомысленная наука или просвѣщеніе фальшивое. Явленіе Боготворимаго разума и его провозвѣстника, въ образѣ звѣрей, выразительно внушаетъ, что эти, взимающіеся на разумъ Божій, враги, на самомъ дѣлѣ, чужды достоинства даже человѣческой истинной разумности.

Таково общее значеніе обоихъ звѣрей. Изъяснимъ теперь частныя черты и обстоятельства явленія того и другого, по порядку апокалипсическаго ихъ изображенія.

И стахъ на песокъ морстѣмъ, и видѣхъ изъ моря звѣря исходяща (ст. 1). Такъ изображается появленіе сего звѣря. Выше (напр., при изъясненіи 1 ст. XI гл.) мы видѣли, что и дѣйствія самого Тайнозрителя знаменательны или означаютъ какую-либо особенную мысль о провидѣнныхъ имъ предметахъ и событіяхъ. Посему не безъ особеннаго значенія Апостоль Іоаннъ стоялъ на песокѣ морскомъ, откуда и увидѣлъ выходящаго изъ моря звѣря. Самъ Апостоль, какъ Боговдохновенный провозвѣстникъ слова Божія и священный писатель Евангелія, Посланій и Апокалипсиса, есть представитель откровеній Слова Божія и Священнаго Писанія. Значеніе *песка* по отношенію къ слову Божію, можетъ быть опредѣлено изъ слѣдующаго слова Спасителя: *и всякъ слышай словеса Моя сія, и не творяи ихъ, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песокъ: и сниде дождь, и придоша рѣки, и възвѣяша вѣтри,*

¹⁾ Ваятая только въ томъ отношеніи, насколько она есть противохристіанская.

и опрошася храмниъ той, и надеся, и бѣ разрушеніе ея велие (Матѣ. VII, 26—27). И такъ, *песокъ*, по отношенію къ слову Божію, знаменуетъ такой образъ вниманія слову Божію, или что одно и то же, такой образъ разумѣнія Священнаго Писанія, который не проникнуть духомъ истинной и дѣятельной покорности слову Божію. *Песокъ морской*, по знаменованію моремъ волненія мірской жизни, указываетъ на то, что образъ разумѣнія Св. Писанія, не проникнутый живою и послушною преданностію его духу, будетъ подлежать вліянію волнующагося міра. Посему Апостоль, ставъ на песокъ, симъ изображаетъ такое явленіе въ Христіанскомъ мірѣ, именно, какъ показано выше, въ мірѣ Западномъ:— «будутъ держаться, повидимому, Апостольскаго духа, откровеній Божіихъ, данныхъ и начертанныхъ Апостолами или вообще Св. Писанія, но не предавался ему живою и дѣятельною покорностію; духъ Апостольскій будетъ стоять у нихъ на песокъ безплодныхъ мудрованій, подверженныхъ вліянію морского волненія случайныхъ обстоятельствъ, бурей и вѣтровъ мірской жизни». Что же выйдетъ при такомъ одностороннемъ направленіи вниманія слову Божію, при такомъ, колеблющемся и открытомъ всякимъ случайнымъ вліяніямъ, разумѣніи Св. Писанія?

И видѣхъ, продолжаетъ Апостоль, *изъ моря звѣря исходяща*. Общее значеніе *звѣря* знаемъ: это есть неограниченное самовластительство разума, вѣрующаго собственно только въ себя самого, а не во Христа. *Море* есть образъ волнуемой мірской жизни со всеми ея случайными видоизмѣненіями и обстоятельствами. И такъ, видѣніе *звѣря*, исходящаго изъ моря, въ связи съ положеніемъ самого Апостола *на песокъ морстѣмъ*, при соображеніи и съ вышеуказанною бранію змія съ остаткомъ сѣмени Жены (XII, 17), знаменуетъ слѣдующее: «между тѣмъ, какъ духъ папства свирѣпствовалъ на Западѣ противу остатковъ непокоряющагося ему правосмыслія, вѣрнаго заповѣдямъ Божіимъ и свидѣтельству Христову,—имѣло открыться рѣшительное, одушевленное, съ одной стороны, апостольскимъ духомъ, направленіе внимать вмѣсто папы собственно слову Божію, вникать въ Священное Писаніе,—но только безъ смиренной и дѣятельной покорности оному, и въ зависимости отъ волнующагося моря случайностей; и вотъ, изъ этого самаго мірскаго вол-